

Содержание

ISSN 2587-8190

Артем Трофимов. Композиционные особенности прозаических панегириков в честь Полтавской победы (на материале творчества Стефана Яворского и Феофана Прокоповича)	223
Хэн Фу. «Энхиридион» Эпиктета: переводы А. Д. Кантемира и Г. А. Полетики	239
Мария Начинкова. Записки Бориса Райского и роман И. А. Гончарова «Обрыв»	248
Алексей Балакин. Вокруг завещания И. А. Гончарова	264
Мария Асташенкова. Сборник М. В. Крестовской «Уголки театрального мирка» как пример русской театральной прозы 1880-х годов	288
Анастасия Полумордвинова. Любовь-игра, любовь-рок и любовь-смерть в лирической повести В. Я. Брюсова «Декадент»	302
Дмитрий Зайцев. Натуралистический нарратив о неврастении и дегенерации и русский символистский роман: О влиянии сборника А. В. Амфитеатрова «Психопаты» на роман Ф. Сологуба «Мелкий бес»	320
Андрей Устинов. Мстислав Добужинский и русская кабаре-культура: Антрепризы Бориса Пронина I. «Привал комедиантов» в Петрограде	331
II. «Странствующий энтузиаст» в Москве.	363
Дмитрий Цыганов. От культа Ленина к культу Сталина: Стратегии деперсонификации ленинского образа в некрологической лирике в связи с его вытеснением сталинским quasi-мифом	384
Анастасия Христенко. О природе визуального кода в романе Ю. К. Олеши «Зависть»	404
Максим Щавлинский. «Жизнь Арсеньева» и «Жизнь Бунина» как способ сознательной спекуляции на биографии	423
Екатерина Буханова. Судьба текста в романе А. Битова «Преподаватель симметрии»	437
Анастасия Именных. Два варианта романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты»: К истории публикации	451
Указатель имен	463
Содержание шестнадцатого тома	479

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
А. С. Пахомова (редактор), А. Ю. Балакин,
Е. А. Глуховская, О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2020 XVI (3-4)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ



2020 (3-4)



международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Д. ф. н. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2020
© «Летняя школа по русской литературе», 2020

Contents

Artyom Trofimov. Composition features of the panegyrics in honour of the Victory at Poltava (based on Stefan Yavorsky's and Feofan Prokopovich's works)	223
Heng Fu. <i>Enchiridion</i> of Epictetus: Translations of Antiochus Cantemir and Grigorij Poletika	239
Mariia Nachinkova. Boris Rayskiy's sketches and Ivan Goncharov's novel <i>The Precipice</i>	248
Alexey Balakin. Notes on Ivan Goncharov's Testament.	264
Mariya Astashenkova. M. Krestovskaya's digest <i>Corners of the Theatrical World</i> as an example of Russian theatrical prose of the 1880's.	288
Anastasia Polumordvinova. Love as a game, love as a fate and love as a death in Valery Bryusov's lyrical novel <i>Decadent</i>	302
Dmitry Zaytsev. Naturalist narrative about neurasthenia and degeneration and the Russian symbolist novel: Influence of the A. V. Amfiteatrov's collection <i>Psychopaths</i> on Fyodor Sologub's novel <i>The Petty Demon</i> . . .	320
Andrei Ustinov. Mstislav Dobuzhinsky and the Russian Cabaret Culture I. <i>The Comedians' Camp</i> in Petrograd	331
II. <i>The Peripatetic Enthusiast</i> in Moscow	363
Dmitry Tsyganov. From the «Lenin» cult to the «Stalin» cult: Strategies of depersonificating the image of Lenin in obituary poetry due to its later elimination by the Stalin quasi-myth	384
Anastasiia Khristenko. The nature of the visual code in Yury Olesha's novel <i>Envy</i>	404
Maxim Shavlinsky. <i>The Life of Arseniev and The Life of Bunin</i> as a way of deliberate speculate on biography	423
Ekaterina Bukhanova. The fate of the text in Andrey Bitov's novel <i>The Teacher of Symmetry</i>	437
Anastasiia Imennykh. Two versions of Victor Astafiev's novel <i>Damned and Killed</i> : Notes on the publication history.	451
Index	463
Content of the volume	479

Editorial Board:

Alexey Balakin, Aleksandra Chaban, Elena Glukhovskaja,
Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Olga Makarevich, Aleksandra Pakhomova

Editorial address:

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

АЛЕКСЕЙ БАЛАКИН
(Санкт-Петербург)

ВОКРУГ ЗАВЕЩАНИЯ И. А. ГОНЧАРОВА

В статье на основании анализа переписки И. А. Гончарова и его ближайших родственников, а также воспоминаний о нем реконструируются мотивы, которыми руководствовался писатель, составляя свое первое завещание. Как известно, Гончаров большую часть своего наследства оставил вдове своего покойного слуги и троим ее детям. Автор статьи показывает, каким образом зрело это решение и почему именно осенью 1879 года было составлено первое завещание. В статье также делается попытка более взвешенного анализа мемуаров А. Н. Гончарова о своем дяде-писателе, которые ранее считались гончароведами предвзятыми и недостоверными.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, завещание, переписка, наследственное право Российской Империи.

Сведения об авторе: Алексей Юрьевич Балакин, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: balakin@inbox.ru

Notes on Ivan Goncharov's Testament

The article based on the analysis of Ivan Goncharov's correspondence with his relatives and the memories reconstructs the motives guided the writer making his first will. Goncharov left most of his inheritance to the widow of his servant and their three children. The article shows how this decision matured and why it was the fall of 1879 when the first will was drawn up. The article also provides a more balanced analysis of the A. N. Goncharov's memoirs about his uncle which were previously considered by researchers as biased and untruthful.

Key words: I. A. Goncharov, last will, correspondence, inheritance law of Russian Empire.

About the author: Alexey Balakin, Candidate of Philological Sciences, senior research fellow at Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences. Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: balakin@inbox.ru

DOI 10.26172/2587-8190-2020-3-4-264-287

Первое завещание Иван Александрович Гончаров написал осенью 1879 года. Этот документ до нас не дошел, но о его содержании мы можем судить по его письмам к А. Ф. Кони, в которых он просил у опытного юриста советов и консультаций; собственно, так и началась их многолетняя переписка. Второе завещание, в котором были сделаны небольшие дополнения по сравнению с первым,¹ было оформлено 22 мая 1883 года.² Ниже мы попробуем обосновать, что именно подтолкнуло Гончарова написать завещание и какими мотивами он руководствовался, отдавая именно такие распоряжения относительно своего имущества.

1

В любой более или менее развернутой биографии писателя рассказывается, что после смерти своего слуги Карла Людвиг Трейгута, который скончался весной 1878 года,³ Гончаров посвятил себя заботам о его семье. Вдова Трейгута Александра Ивановна осталась служить у него в экономках, ее троих детей он всячески опекал, особенно старшую дочь Сашу, которая была его любимицей.⁴ Вот как писал про это Кони, один из ближайших друзей писателя на протяжении последних полутора десятков лет его жизни:

¹ Сопоставление двух завещаний см. в статье: *Вдовин А. В.* Гончаров и деньги (по материалам писем 1861–1891 гг.) // Гончаров после «Обломова»: Сб. статей. СПб.; Тверь, 2015. С. 315–316.

² См.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 259–260; там же см. краткий пересказ завещания.

³ Точная дата смерти его неизвестна. 18 апреля своей сестре А. А. Музалевской Гончаров сообщает: «...у меня, в маленьком углу, переболели сначала дети моего человека, а потом, к самому празднику, свалился и он сам — и Бог знает, встанет ли! Давно он страдал катарром, кашлял, желтел, бледнел, синел и зеленел, и не смотря на мои просьбы, упреки, наконец, приказания лечиться, отказывался пригласить доктора — и теперь свалился и лежит. Может быть, если б захватить в начале болезни, он и оправился бы, а теперь едва ли у него не горловая чахотка» (Вестник Европы. 1908. № 12. С. 444), а уже 4 июня в письме к Е. А. Никитенко говорит о нем как об умершем (см.: *Лоциц Ю. М.* Гончаров. М., 1977. С. 328 («Жизнь замечательных людей»)).

⁴ Об отношении Гончарова к Саше Трейгут см: Письма И. А. Гончарова к А. К. Трейгут / Публ. А. В. Романовой // Русская литература. 2012. № 2. С. 92–99 (там же в преамбуле обзор литературы вопроса).

В течение многих лет у него служил камердинером и заведовал его домашним хозяйством честный и усердный курляндский уроженец. В конце шестидесятых <sic!> годов он умер скоропостижно, и Иван Александрович, соболезнуя положению его вдовы с тремя малолетними детьми, оставил ее служить у себя, предоставив ей маленькое помещение через площадку лестницы своей квартиры, и заменил ею умершего ее мужа в домашнем услужении при своем маленьком хозяйстве старого холостяка. С годами, когда стали подрастать дети, сердце Ивана Александровича откликнулось на их чистую ласку, и он привязался к ним, и особенно к старшей девочке, глубоко и трогательно. Его заботам, просьбам, материальным жертвам, ходатайствам, письменным и словесным, эти дети были обязаны своим воспитанием и образованием в средних учебных заведениях, за которым он следил с исключительным вниманием. Возможность дать им средства, чтобы подышать свежим воздухом и укрепить свои силы где-нибудь на даче или на берегу моря, сердечно радовала старика <...>. И в этой вполне бескорыстной привязанности Гончаров дошел до крайних пределов. Заботы о детях, их мысли, чувства, привычки, складывавшиеся особенности характера, шуточные и нежные прозвища, им даваемые, наполняли его жизнь, вплетались в его беседу. Внимание к ним, ласка Сани (так звали старшую из них) вызывали горячую благодарность с его стороны. Мало-помалу их жизнь пустила в его существование крепкие, неразрывные корни...¹

Беспокоясь о судьбе своей любимой воспитанницы, Гончаров пытался устроить ее в гимназию при Ивановском училище, но ежегодная плата показалась ему непомерной. Пенсии в 1750 рублей в год вполне хватало ему на жизнь одному, но для содержания трех малолетних детей ее было явно мало: «Что касается до платы 300 рублей в год, — жаловался писатель своей подруге Е. А. Никитенко 28 июля 1878 года, — то <...> это трудно для моих материальных средств. Если б Саня была одна я для нее стеснил бы всячески себя, вырезал бы фунт мяса т. е. отдал бы из своих, отложенных на черные дни грошей — что нужно для ее ученья. Но у нее, как известно, есть маленькие брат и сестра да больная мать. Содержать все это, и себя самого да уделять еще 300 р. — нет моей мочи!».²

¹ Кони А. Ф. Иван Александрович Гончаров // Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. Т. 6. С. 299.

² РГАЛИ. Ф. 357. Ед. хр. 6. Л. 29.

14 августа того же года Гончаров уступил право на новое издание книги «Фрегат „Паллада“» И. И. Глазунову «единственно затем, — как он писал в тот же день Е. А. Никитенко, — чтобы этой суммой обеспечить образование Сани до конца».¹ Вырученные по контракту деньги должны были пойти на обучение ее в Ивановском девичьем училище, но Гончаров тут же столкнулся с проблемой, о которой раньше не задумывался: как правильно пристроить выделенную сумму. Об этом он подробно рассказал Е. А. Никитенко в письме от 23 августа:

Я сегодня был у Марка Ник<олаевича> — и кое о чем советовался, между прочим и о том, кому доверить деньги (за «Палладу»), назначаемые на уплату в училище за Саню, так чтоб — в случае моей смерти или *того* лица, кому деньги будут отданы на руки, плата за ее учение и содержание все-таки поступала в канц<елярию> Совета Человек<олюбивого> Общества.

И, представьте, — оказывается, что так сделать нельзя. Если доверенное лицо умрет, деньги возьмут его наследники. Банк принимает на имя малолетних, но до совершеннолетия их не отдает. А отдавать туда с разными условиями и оговорками — нельзя, не принимают. Внести всю сумму за все года вперед в Канцелярию Совета Чел<овеколюбивого> Общ<ества> — едва ли можно, правила такого нет: да притом, если возможно окажется, как Вы писали и как я тоже слышал от других, что девочку впоследствии могут, за успехи, перевести на казенный счет, то внести всю сумму вперед, значит уже лишить ее этого перевода — а деньги эти ей нужны бы были впоследствии, по выходе. Одно средство — сделать завещание: так или иначе, но необходимо обеспечить материально начатое ее образование до конца.²

¹ Цит. по: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 232.

² РГАЛИ. Ф. 357. Ед. хр. 6; на письме даты нет, стоит только «Среда»; датируется по содержанию. В письме Гончарова к Е. А. Никитенко от 18 августа (пятница) говорится о Сане: «Представить ее <в гимназию. — А. Б.> совсем велено 31-го августа, значит, в четверг — и я, пользуясь Вашим позволением, привезу ее Вам — или *завтра*, в *субботу*, если погода будет очень хороша, или *в воскресенье*, а в следующее воскресенье, надо уже взять ее домой» (там же; выделено Гончаровым). В цитируемом же письме говорится: «Не знаю, буду ли свободнее завтра или послезавтра, а может быть, не удастся до субботы или воскресенья, когда надо будет девочку взять совсем...», следовательно, оно написано после 18 и до 31 августа, среда же между этими датами приходилась на 23 августа.

Упомянутый в письме юрист Марк Николаевич Любошинский (будущий душеприказчик Гончарова) был совершенно прав: согласно действовавшим российским законам, если холостой и бездетный мужчина умирал, не оставив завещания, на его благоприобретенное имение в первую очередь могли претендовать его братья, а в случае их смерти — их сыновья, то есть племянники покойного, и лишь в их отсутствие — родственники по линии сестер.¹

Состояние здоровья Гончарова к тому времени не вызывало опасений, однако присущая ему осмотрительность и расчетливость заставила его в первый раз задуматься о судьбе своего состояния. Но, как увидим ниже, у него никогда не было ни малейшего желания оставлять что-либо из своих сбережений своим родственникам.

2

Отношения автора «Обломова» со своим старшим братом, двумя сестрами и их детьми — тема большая и сложная. Мемуарных и эпистолярных свидетельств сохранилось немного, и они крайне противоречивы: вероятно, противоречия эти возникли из-за неустойчивого характера Гончарова, который в одни периоды жизни был бодр и жизнерадостен, а в другие, достаточно продолжительные, — мрачен, подозрителен и раздражителен. Соответственно, одни мемуаристы после встреч с писателем оставляли воспоминания о широте его души, мастерских рассказах и джентльменском поведении в обществе, другие — о вспышках гнева, мелочности и маниакальных подозрениях, под которые попадали даже самые близкие и преданные ему люди. У его брата Николая, учителя Симбирской гимназии, были сыновья Александр Николаевич и Владимир Николаевич Гончаровы; у сестры Александры (в замужестве Кирмаловой) — старший сын Виктор Михайлович Кирмалов и еще несколько детей; у другой сестры Анны (в замужестве Музалевской) детей не было, но была воспи-

¹ См.: Свод законов Российской Империи, издания 1857 года. СПб., 1857. Т. 10. Ч. 1. С. 220–221 (ст. 1134, 1135 и 1137). Краткий, но информативный обзор русского наследственного права XIX века см. в статье: Рожнов А. А. Наследственное право России во второй четверти XIX в. согласно Своду законов гражданских // Нотариус. 2018. № 8. С. 43–47.

танница Евдокия Петровна (в замужестве Левенштейн). Никого из них Гончаров никогда не считал духовно близкими себе людьми. Хотя до определенного времени он поддерживал переписку с братом и сестрами, хлопотал за племянников и давал им советы, с возрастом эти родственные отношения стали его все больше и больше тяготить: уже в поздних письмах в его отзывах о родственниках, особенно племянниках, все чаще и чаще звучат ироничные, а то и прямо раздраженные ноты.¹ Впрочем, в дошедших до нас письмах к самим родственникам Гончаров был неизменно корректен.

Сохранилось немало свидетельств того, что Гончаров не дорожил кровным родством. Подобного рода высказывания есть как в его письмах, так и в мемуарах о нем, порой они прорываются и в художественных текстах. Наиболее яркий пример находим в воспоминаниях Е. А. Гончаровой, жены его племянника Александра Николаевича, к которой писатель относился с симпатией и однажды признался ей:

Я обыкновенно <...> сторонюсь от родных и родственных отношений, да вообще я не признаю их. <...> Вообще меня родные не балуют, и я их не балую, мало кого из них вижу, мало кто и помнит меня. <...> Да, родных у меня никого нет, — по крови родные есть, да я не придаю им никакой цены. Какие это родные, что в них близкого мне? Чужие, но близкие по мысли, по чувствам могут быть мне более дорогими, чем кровные родные, — только таким родством я дорожу и высоко ценю его.²

Почти дословные повторения этого высказывания встречаются и в письмах Гончарова.³

Двое из племянников Гончарова оставили воспоминания о своем дяде. Е. П. Левенштейн мало видела своего знаменитого

¹ Краткую (и неполную) сводку отзывов Гончарова о племянниках в его эпистолярии см.: Материалы к биографии И. А. Гончарова / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. А. В. Романовой // Русская литература. 2008. № 3. С. 146–147.

² Цит. по: И. А. Гончаров в воспоминаниях современников / Сост. О. А. Демиховская и Е. К. Демиховская; Вступ. статья О. А. Демиховской. Изд. 2-е, расшир. и доп. Ульяновск, 2012. С. 121–122.

³ Ср. подчеркнутую им самим фразу из письма к А. А. Музалевской от 27 сентября 1868 года: «Родства я близкой связью не считаю, если оно не укреплено симпатией и согласием» (Вестник Европы. 1908. № 12. С. 441).

родственника, поэтому ее мемуары (записанные с ее слов упомянутой выше Е. А. Гончаровой) лапидарны и в основном относятся к короткому периоду, когда в 1862 году Гончаров гостил в Симбирске у родных. Ей тогда было 14 лет.¹

Гораздо более пространны и подробны мемуары А. Н. Гончарова. «Я лично помню Ивана Александровича с начала шестидесятих годов, — писал он. — Особенно часто видался я с ним в 1876–1879 гг., когда я жил в Петербурге, но бывал у него и ранее, в 1872 и 1873 гг., когда приезжал в столицу. С начала восьмидесятих годов мы виделись с ним раза два-три, а после я совершенно у него не бывал».² Воспоминания эти написаны по просьбе М. Ф. Суперанского, который начиная с 1900-х годов собирал материалы для биографии Гончарова, опрашивал его знакомых, побуждал их писать мемуары, копировал письма и другие материалы.³ В архиве Суперанского сохранились три варианта этих воспоминаний, один из них он опубликовал в составе своей большой работы «Ив. Ал. Гончаров и новые материалы к его биографии»,⁴ растянувшейся на несколько номеров «Вестника Европы». Наметки их видим в развернутых письмах А. Н. Гончарова, адресованных в 1891 году редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу;⁵ в них уже находятся формулировки, которые были затем повторены в воспоминаниях.

Эти воспоминания были негативно восприняты первыми их читателями, пользуются они дурной славой и у современных гончароведов. «Бредом больного человека» назвала эти воспоминания двоюродная сестра Александра Николаевича В. М. Чегодаева, но тут же поправились: «...вернее, не боль-

¹ Оpubл.: И. А. Гончаров в воспоминаниях современников / Вступ. статья А. Д. Алексеева; Подгот. текста и примеч. А. Д. Алексеева и О. А. Деминской. Л., 1969. С. 96–101.

² Вестник Европы. 1908. № 11. С. 26.

³ Об этом см.: *Трепалкина М. И.* М. Ф. Суперанский и его работа «Болезнь Гончарова» // Литературное наследство. М., 2000. Т. 102: И. А. Гончаров: Новые материалы и исследования. С. 635–638, а также ее развернутые примечания к публикации названной статьи Суперанского: Там же. С. 574–634.

⁴ См.: Вестник Европы. 1908. № 11. С. 13–48.

⁵ Оpubл.: Материалы к биографии И. А. Гончарова. С. 143–145, 148–157.

ного, но раздраженного безденежьем и продолжительной болезнью». ¹ «Многое в этих записках преувеличено, искажено и продиктовано личной неприязнью Александра Николаевича к писателю и его сестре», — утверждала дочь Левенштейн А. Ю. Лаврова. ² Жена А. Н. Гончарова, также знавшая его дядю и записавшая свои воспоминания о нем, защищала своего мужа: «...это не вымысел, все это пережито, — писала она Суперанскому 28 мая 1912 года, — Александр Николаевич был человек правдивый, честный, во многом не сходиллся с дядей, был, может быть, горяч в своих нападках, но явной неправды не было в его словах, и я желала бы по возможности выяснить некоторые причины раздора». ³ Но ее одинокий голос не был услышан.

Несмотря на вызывающую бедность мемуарной литературы о Гончарове, мемуары его племянника не были включены в сборник «И. А. Гончаров в воспоминаниях современников» (Л., 1969), ответственный редактор которого, Н. К. Пиксанов, так мотивировал это решение:

¹ См. ее письмо к М. М. Стасюлевичу от 29 декабря 1908 года (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М. К. Лемке. СПб., 1912. Т. 4. С. 223; выделено в подлиннике). За эту публикацию упрекал Стасюлевича и Кони, писавший ему 6 октября 1908 года: «Наш прошлый разговор о материалах для „Вестника Европы“ очень смутил меня и смущает до сих пор. Я говорю о статье племянника Ив. Ал. Гончарова. Я помню, как вскоре после его смерти Вы говорили, что получили статью племянника, но напечатать не хотите, до того она дышет злобою и мстительностью. Теперь она появится в „В. Е.“. Конечно в ней оказались какие-либо литературные достоинства — и всякие сведения об И. А. будут интересны и полезны для его будущего биографа, но нельзя ли выкинуть из нее место, оскорбительное для памяти старика, который столько лет был другом „В. Е.“ и Вашего гостеприимного дома. Он теперь беззащитен, а ведь нигде взаимные ненависти не бывают так несправедливы, как между родственниками!» (Там же. С. 484). Ирония судьбы была в том, что к моменту публикации «Вестника Европы» Стасюлевич уже передал редакцию в другие руки, хотя еще в 1891 году отказался обнародовать письма А. Н. Гончарова и даже уверял спрашивавшего о них Суперанского, что их не получал: «Без сомнения, если бы я получил такую рукопись, то я постарался бы ее напечатать в последних книжках журнала за 1891 г.; если же я не напечатал ее, то я непременно возвратил бы ее автору» (Литературное наследство. Т. 102. С. 624; письмо от 24 февраля 1907 г.).

² Цит. по: И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Изд. 2-е, расшир. и доп. С. 111 (из письма к Суперанскому от 27 января 1913 года).

³ Цит. по: Там же. С. 120.

...оказалось невозможным включить в сборник написанные не без литературных достоинств воспоминания племянника — А. Н. Гончарова, в свое время опубликованные М. Ф. Суперанским («Вестник Европы», 1908, № 11), воспоминания, от начала до конца тенденциозно враждебные писателю, без достаточных оснований умаляющие его деятельность и порочащие его характер.¹

Позднейшие исследователи пишут о мемуарах племянника более взвешенно и сдержанно, хотя подозрения в тенденциозности и искажении фактов с них до сих пор не сняты.² Не будем отрицать очевидного: А. Н. Гончаров не слишком тепло отзывался о характере своего дяди и его привычках. Но связано ли это только с обидой на то, что тот не упомянул его в завещании? Надо помнить, что пик общения дяди с племянником падает на 1876–1879 годы: это время, когда у Гончарова максимально развивается маниакальная подозрительность, когда он обвиняет даже близких и преданных людей в том, что они копируют или воруют у него рукописи неопубликованных произведений, что вокруг него сплетен заговор с целью дискредитации его как писателя и унижения как человека. В переписке этих лет и в воспоминаниях об этих годах жизни писателя даже у самых тепло относившихся к Гончарову мемуаристов мы то и дело встречаем свидетельства его болезненного состояния, доходившего порой до мании. В основном гончаровские подозрения вертелись вокруг личности и деятельности Тургенева, но порой и другие, достаточно мелкие поводы могли вызвать у него вспышки раздражения и даже гнева. «Странный и тяжелый человек был покойный! Я с ним, в конце 70-х годов, иногда проводил часа два, три в разговоре; но зачастую кончалось тем, что мы расходились, не прощаясь, и потом не видались по несколько месяцев, а иногда и по целым годам. Он сердился на все, все подавало повод к раздражению»,³ — писал А. Н. Гонча-

¹ И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. С. 6.

² О А. Н. Гончарове см.: *Алексеева Ю. М.* Щепетильный вопрос с Гончаровым // Народная газета. 1993. № 72–73 (321–322). 18 июня; *Демитюховская О. А.* Неизданные письма А. Н. Гончарова // Симбирский вестник. Ульяновск, 1994. Вып. 2. С. 74–89.

³ Материалы к биографии И. А. Гончарова. С. 143.

ров вскоре после смерти дяди; неудивительно, что подобного рода инциденты запомнились ему лучше всего и что именно о них он рассказал в позднейших воспоминаниях.

Но нас будет интересовать другая рассказанная им история, напрямую к Ивану Александровичу не относящаяся — история разорения семьи его сестры, Анны Александровны Музалевской. Однако прежде надо сделать отступление и прояснить вопрос о финансовом состоянии Гончарова на момент создания первого завещания и о его отношении к деньгам в целом.

3

Несмотря на то, что Гончаров происходил из достаточно зажиточной купеческой семьи, долгое время он был весьма стеснен в средствах. По словам А. В. Вдовина, который изучил финансовое положение писателя во второй половине его жизни, он «не владел собственностью и капиталом и всю жизнь должен был служить и рассчитывать только на себя», что обусловило «в высшей степени трезвое, прагматичное и инструментальное отношение к деньгам».¹ В письме к своей близкой подруге С. А. Никитенко от 3 (15) июля 1866 года Гончаров вспоминал, что у него за плечами «пройденная школа двух десятков лет с мучительными ежедневными помыслами о том, будут ли в свое время дрова, сапоги, окупится ли теплая, заказанная у портного шинель в долг?».² Такое положение способствовало выработке крайней расчетливости, которую неблизкие писателю люди принимали за жадность.

В конце декабря Гончаров был согласно его прошению уволен со службы с пенсией в 1750 руб. в год. Следующие полтора десятка лет он неоднократно жалуется на недостаток средств: дальним знакомым рассказывает о своей скромной жизни,³

¹ Вдовин А. В. Гончаров и деньги. С. 319.

² Гончаров И. А. Собр. соч. М., 1952. Т. 8. С. 351. (Б-ка «Огонек»).

³ Приведем характерное признание в письме к И. С. Тургеневу от 10 января 1868 г.: «...пенсия, благодаря богу и царю мне назначенная, дает средства — существовать, но без всякой неги, даже без хороших сигар, которые, если пожелаю курить — должен выкидывать какие-нибудь литературные штуки, а между тем не чувствую к таковым ни охоты, ни сил» (Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 322; об уточнении датировки этого письма см.: Балакин А. Ю. Разыскания в области биографии и творчества И. А. Гончарова. М., 2018. С. 56).

перед друзьями оправдывается в своей скупости.¹ В письмах же к родственникам эти жалобы приобретают явно гипертрофированный характер, словно писатель хочет внушить им мысль, что финансовой помощи они от него не смогут получить ни при каких обстоятельствах. «Я теперь бедненький старичок, живущий весьма ограниченными средствами в обреш», — пишет он Музалевской 27 сентября 1868 года.² Спустя несколько лет в письме к ней же он мотивирует отказ помогать своему племяннику В. М. Кирмалову в том числе своей бедностью: «...я <...> своими средствами едва кое-как существую сам...».³

Кроме того, по свидетельству А. Н. Гончарова, его дядя уже задолго до того, как пришла пора составлять завещание, решил, что не оставит свое состояние родственникам. Самое раннее из них относится, видимо, к 1862 году, когда писатель гостил у своей сестры Анны в Симбирске:

Иногда он <Гончаров> без всякого повода начинал упрекать в чем-либо людей отсутствующих <...>. Вспоминал он при этом какой-нибудь факт, давно имевший место, и, без всякой видимой причины, начинал сердиться на лицо, которого уже не было в живых. Однажды он вспомнил, как мать моей матери, Елизавета Ивановна Рудольф, когда-то спросила его: — «У вас, Иван Александрович, пожалуй, есть капиталец» — Гончаров повторил ее вопрос старушечьим выговором, укоряя умершую уже старушку в излишнем любопытстве: — «А зачем ей знать? Разве я обязан оставлять мое состояние родственникам, с которыми у меня потеряна всякая связь?»...⁴

¹ Ср.: «Вообще в денежных моих делах у меня есть какая-то неумелость счесть и распорядиться ими: это с одной стороны, а с другой — боязнь остаться, по каким-нибудь непредвиденным случайностям, без денег — и стать в затруднение, в зависимость, и даже, пожалуй, в необходимость поступить как-нибудь неловко или неблагоприятно, не нарочно конечно. От этих причин я боюсь (то есть от осторожности, может быть, иногда излишней) выпускать деньги из рук и иногда имею faux-aig <ложную репутацию (фр.)> скряги, что и подает повод разным господам и господам <...> считать меня скупым. Но раз убедившись, что у меня лишние деньги, я спешу истратить их, и не всегда для себя только» (письмо к С. А. Никитенко от 13 (25) июля 1869 года. — ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 8. Ед. хр. 11). Другие примеры см.: *Вдовин А. В.* Гончаров и деньги. С. 311–315.

² Вестник Европы. 1908. № 12. С. 440.

³ Там же. С. 441; письмо от 25 июля 1874 года.

⁴ Вестник Европы. 1908. № 11. С. 44–45.

Видимо, эта мысль не оставляла его, и он неоднократно говорил об этом племяннику, который писал М. М. Стасюлевичу 26 октября 1891 года: «...в <18>70-х годах, когда я у него бывал, и Гончаров, не зная или не находя причины к неприятному разговору, начинал так: „Вы, А<лександр> Н<иколаевич>, может быть думаете, что я Вам или кому-нибудь из родственников оставляю мое состояние. Ради Бога, не ласкайте себя этой надеждой“. Я говорил, что об этом не думаю, и переходил на другую тему. Гончаров начинал кипятиться и кому-то доказывал, что это нечестно рассчитывать на чужое состояние».¹ О том же он вспоминает и в следующем письме, от 26 октября — 4 ноября: «На сцену явилось его наследство, упреки в том, что мы надеемся получить его, непорядочность ожидать наследства от человека, который все приобрел трудом и никому никогда не был обязан».²

Однако, Александр Николаевич, возможно, все-таки тешил себя надеждой, что дядя упомянет его в своем завещании. Думается, он невольно проговорил эту свою мысль, передавая слова своего младшего брата о дяде: «Охота тебе бывать у этого животного; он стыдится своего брата, потому что тот не генерал-адъютант, а учитель гимназии; от него на версту воняет мертвечиной и дохлятиной. *Ходи — не ходи к нему, он своего состояния не оставит никому из нас, и напрасно ты его балуешь*».³

Автор «Обломова» не удивил своих племянников. Более того, ему не давала покоя мысль, что они могут найти лазейку в законе и отсудить себе хоть что-то из его состояния. Поэтому, чтобы не случилось «нарушения воли», Гончаров решил принять все меры предосторожности. Согласно российским законам, все завещания делились на крепостные и домашние. Первые составлялись «при жизни завещателя лично им самим в Уездном Суде, в Магистрате, или Гражданской Палате, или в местах им равных, в самом их присутствии, а не на дому завещателя» и затем вносились в крепостную

¹ Материалы к биографии И. А. Гончарова. С. 144.

² Там же. С. 155.

³ Вестник Европы. 1908. № 11. С. 34; курсив мой. — А. Б.

книгу.¹ Домашние завещания, как видно уже по самому их названию, писались «в месте пребывания завещателя», предъявлялись в Гражданской палате «для удостоверения подлинности и законности не прежде, как по смерти завещателя»,² а до этого момента хранились им «по собственному его усмотрению, или у себя, или вверено на сбережение другому...».³ Также, согласно закону, если домашнее завещание написано не самим завещателем, то требовались подписи трех свидетелей,⁴ если же собственноручно, то только двух.⁵ При этом «если число свидетелей, завещание подписавших, более, нежели сколько законом требуется, то в случае отсутствия некоторых из них и достаточности <...> наличных, спрашивать только сих последних и потом свидетельствовать завещание на общем основании».⁶ Осторожный Гончаров, наверняка зная это, решил подстраховаться и, хотя написал завещание собственноручно, подписать его пригласил не двух (как было предусмотрено законом), а трех свидетелей.

Более того, дополнительно к официальному завещанию он приложил еще целых два полуофициальных письма к своим душеприказчикам М. Н. Любощинскому и М. М. Стасюлевичу, где уже совершенно недвусмысленно заявлял, что не оставляет своим племянникам ничего, тщательно обосновывая это решение.

22 мая 1883 года он писал им обоим:

В завещании я обхожу молчанием моих законных наследников, как будто у меня их не было, между тем их двое: это мои племянники, дети моего покойного родного брата, сыновья Александр и Владимир Николаевичи Гончаровы. Я хотел было в конце завещания прибавить сакраментальную фразу: «а наследникам моим не вступаться», но А. Ф. Кони отсоветовал мне, и я послушался, поняв так,

¹ Свод законов Российской Империи, издания 1857 года. СПб., 1857. Т. 10. Ч. 1. С. 200. Ст. 1013.

² Там же. Ст. 1014.

³ Там же. С. 207. Ст. 1058. Гончаровское завещание хранилось у М. М. Стасюлевича (см.: Балакин А. Ю. Разыскания в области биографии и творчества И. А. Гончарова. М., 2018. С. 303).

⁴ Там же. С. 205. Ст. 1048.

⁵ Там же. С. 206. Ст. 1051.

⁶ Там же. Ст. 1052.

что означенная фраза как будто дает повод предполагать за племянниками какие-либо права, которых, однако, нет, так как имущество мое — все благоприобретенное. Спешу объяснить, что я обошел племянников не по какой-либо предосудительной для них причине или по какому-либо враждебному к ним чувству и неудовольствию: ничего у меня подобного к ним нет и не было. Причина самая простая и естественная: более сорока лет прошло, как я покинул мою и их родину, Симбирск, и после того был там раза два-три на короткое время, племянников моих видел, так сказать, мельком, в их детстве, а потом изредка одного из них, уже в зрелом возрасте, здесь, в Петербурге, когда приезжал сюда по делам и на службу.

Таким образом, эти, по закону, самые близкие, в сущности стали самыми дальними мне лицами. Я не нахожу с своей стороны справедливым в разделе моих, с трудом приобретенных грошей, оказывать им *предпочтение перед живыми симпатиями, которые образовались у меня здесь, в Петербурге*, после того, как я сорок лет тому назад с лишком расстался с кругом моих родных, можно сказать, навсегда. И они, в свою очередь, в этот промежуток времени составили себе другие близкие связи и родственные отношения помимо меня.

Притом оба мои помянутые племянника уже люди зрелых лет, между 30-ю и 40 годами, старший женатый, оба занимают или занимали, сколько мне известно, хорошие места в частной и коронной службе, следовательно, мек малые трудовые деньги не послужили бы к капитальному устройству их судьбы, а были бы даровым подспорьем только к тому, что они приобретают сами. Пусть же приобретают: дай бог им всякого успеха!¹

То же самое от повторил спустя три года, 9 октября 1886 года, в письме уже к одному Стасюлевичу, где давал распоряжения относительно своего домашнего имущества и которое завещал прочитать после его смерти:

...Я выше упомянул о племянниках своих: их два — Александр и Владимир Николаевичи Гончаровы, дети покойного моего родного брата. Я им ничего не завещаю, потому что не считаю этого нужным и справедливым. Я подробно объясняю причины в особом письме на имя Марка Ник[<]олаевича Любощинского, приложенном к моему завещанию.

¹ Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 480–481. (Б-ка «Огонек»); выделено Гончаровым.

Племянники мои — не только взрослые люди, но почти уже старики. Старшему уже за 40 лет. Я уехал с родины более 50 лет тому назад, брат мой там женился, сестры вышли замуж — какая же мне стать была ждать, что от них произойдет племя, о котором я будто бы обязан пещись? А я их почти не знаю совсем, видел изредка и вдруг должен отдавать им свой маленький запас грошей: тут не только справедливости; а просто смысла нет.¹

Как видим, эта мысль жила в голове у Гончарова много лет, поэтому не кажется выдумкой следующий эпизод из мемуаров его племянника:

Когда я навестил его, за год до его смерти, он выбежал ко мне в белом балахоне и стал кричать, жестикулируя: «Зачем вы пришли? Родственники мне надоели! Я обращаюсь к полиции, чтобы меня избавили от посещения родственников. Я никому ничего не оставляю»...²

4

В процитированном письме к душеприказчику Гончаров вспоминает не только племянников со стороны брата, но сестер и их детей, хотя они, казалось бы, не имели никаких юридических прав ни на какую часть наследства:

Я не упоминаю <в завещании. — А. Б.> о других моих, не прямых наследниках, например, о детях моей старшей сестры, также о младшей моей сестре, бездетной вдове; все они находятся, сколько я слышал, в незавидном материальном положении: но чтобы облегчить всем им тягость жизни — понадобились бы не такие средства, какие останутся после меня, если только они останутся, в чем можно сомневаться, судя по ограниченности их.³

Наличие в этом документе «детей старшей сестры», казалось бы, объяснить трудно. Многочисленные дети Александры Александровны Кирмаловой были как будто неплохо устроены; кроме того, к Виктору Михайловичу Кирмалову и его жене Дарье Леонтьевне Гончаров относился лучше, чем ко всем остальным родственникам, а их сын Михаил оставил весьма дружелюбные воспоминания о своем дво-

¹ М. М. Стасюлевич и его современники. Т. 4. С. 175–176.

² Вестник Европы. 1908. № 11. С. 48.

³ Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 481. (Б-ка «Огонек»).

юродном деде.¹ Думается, их упоминание должно было оттенить присутствие другого человека — младшей сестры Анны Александровны Музалевской, которая действительно находилась «в незавидном материальном положении». Как мы попытаемся показать ниже, именно отношения с ней послужили тем катализатором, который заставил Гончарова от обдумывания своего завещания летом 1878 года перейти к его написанию спустя год.

Анна Александровна была человеком сложным и взбалмошным, унаследовавшим типичные психологические черты гончаровского семейства. В воспоминаниях А. Н. Гончарова содержится яркая ее характеристика, к которой и отсылаем читателя. Выпишем лишь один фрагмент:

По временам она делалась совершенно ненормальной или, — как говорил ее муж, — начинала «куралесить»: она накупала в магазинах множество разных материй и без конца кроила и шила для себя и для своих двоих приемных дочерей платья, юбки, кофты при помощи нескольких приглашенных на дом портних. Эта обыкновенно рассудительная и далеко не дурная женщина делалась в таких случаях невыносимой <...>. В летнее жаркое время период сумасшествия у Музалевской продолжался иногда несколько недель.²

Нет сомнений, что Гончаров знал об этих особенностях своей сестры. Думается, именно ее он имел в виду, когда писал своему брату 25 мая 1857 года:

Если ты продашь дом, то придержиесь моего совета деньги прятать, и притом на свое имя, чтобы они перешли к детям, а не на имя жены. Я не насчет одной только жены твоей говорю, а вообще о всех женщинах: разумею так, что чем меньше им доверяешь, тем лучше. Особенно деньги проходят у них сквозь пальцы и быстро обращаются в тряпки. Иная мать или жена и любит мужа и детей, а деньги не убережет, по легкомыслию и незнанию им цены и в надежде на какие-то будущие, несуществующие блага. Поэтому деньги прячь и в руки женщинам отнюдь не

¹ См.: И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 110–114; не вошедший в эту публикацию фрагмент см.: Литературное наследство. Т. 102. С. 627.

² Вестник Европы. 1908. № 11. С. 20.

давай: благоразумных из них, например, таких, как наша покойная мать, сыщешь немного.¹

Напомним теперь печальную историю разорения семьи Музалевских. Иван Александрович не ошибся в своих предсказаниях: разумеется, они не могли спустить все свои деньги на «тряпки», но вот «надежда на какие-то будущие, несуществующие блага» у них, конечно, была. Единственный человек, который может нам рассказать, как было дело, — это все тот же А. Н. Гончаров. Прочитаем его письма к Стасюлевичу 1891 года:

...Его сестра, муж ее был доктором в Симбирске и обладал хорошими средствами, разорилась, и они в 1865 году переехали из Симбирска в Москву. Тетушка Музалевская, поздравляя как-то И. А. с днем Ангела, написала ему вместе с тем, не прося помощи, о своем бедственном положении. Гончаров отвечал на это ей резким письмом, прося ее забыть о его существовании, и что он давно выехал «из тех краев» и ему совершенно нет дела до того, кто разорился, кто нажился. С тех пор всякие отношения между ними прекратились.²

Прошло года два, или три, Музалевские после того, как весь Симбирск сгорел, подарили каким-то дальним родственникам остатки сгоревшего дома, отдали деньги, что-то около 100 тысяч, «верному человеку» и отправились на житье в Москву. Детей у них не было, и они в 50-х годах взяли на воспитание 2 девочек, которых любили и воспитывали, как родных дочерей. Устроились в Москве они хорошо, первое время жили в доме, кажется, Писемского, с которым они очень подружились. <...>

Кажется в 1870 году, «верный человек» Алаев, которому Музалевские доверили все свои деньги, что-то около 100 тысяч рублей или немного более, заручившись еще кое-какими клиентами вроде Музалевских, бежал в Америку, или Австралию. Музалевские переехали на маленькую квартиру, продали лошадей, лишнюю мебель и стали жить его маленькой пенсией и кое-какой грошевой практикой. Старшая воспитанница Авдотья Петровна в это время вышла замуж за доктора Левенштейна, а другая куда-то ушла в бонны. Отношения Гончарова к сестре совершенно перемене-

¹ Новое время. 1912. № 13038. 30 июня (13 июля).

² Материалы к биографии И. А. Гончарова. С. 143 (из письма от 26 октября).

нились после потери ее состояния: ранее он ей изредко писал, называя ее «Государыня сестрица», а когда она, поздравляя его с днем его Ангела, уведомила о том, что они потеряли все состояние, Гончаров резко, жестоко и бессердечно отвечал на ее письмо и просил прекратить всякую переписку с ним.¹

Несколько иначе А. Н. Гончаров рассказывает о том же в написанных спустя четверть века воспоминаниях:

Музалевские имели очень хорошие по тому времени средства. Трегубов² оставил Анне Александровне около десяти-двенадцати тысяч рублей ассигнациями и до двухсот десятиин земли вблизи Симбирска. Муж ее зарабатывал по десяти-пятнадцати тысяч рублей в год; люди они были скромные и отложили до ста двадцати пяти тысяч рублей серебром. Деньги эти они отдали какому-то Алаеву на железнодорожное предприятие. Тот обещал им золотые горы, но, получив деньги, скрылся. Вслед за тем случился знаменитый пожар 1864 года, уничтоживший почти весь Симбирск, и Музалевские, разорившись, переселились в Москву, где старшая их приемная дочь, Евдокия Петровна, вышла замуж за доктора-психиатра Левенштейна... <...>

Музалевские, как уже сказано выше, в шестидесятых годах совершенно разорились и переселились в Москву, где в первое время им пришлось очень трудно, особенно после сытой и обеспеченной жизни в Симбирске. Петр Авксентьевич зарабатывал своей практикой очень немного. Он начал хлопотать о пенсии, на которую имел право, так как более 35 лет был бесплатным врачом при симбирской гимназии и, кажется, в приказе общественного призрения.

Тетушка вспомнила тогда «милого братца» и в простоте душевной написала ему письмо, в котором сообщала, что они с мужем и приемными дочерьми живут в Москве и что они лишились своего состояния, а потому им приходится жить на ничтожные средства; в конце письма она просила Ивана Александровича побывать в министерстве народного просвещения, куда уже были представлены все нужные бумаги, и поторопить кого следует с делом о назначавшейся ее мужу пенсии, что-то около 120 или 150 руб. в год.

От Ивана Александровича был скоро получен ответ. Письмо его уже не начиналось обычным обращением

¹ Там же. С. 153, 154 (из письма от 26 октября — 4 ноября).

² Николай Николаевич Трегубов (ум. 1849), отставной моряк, снимавший флигель в усадьбе родителей Гончарова, его крестный отец и фактический воспитатель; под именем Якубова выведен в очерке «На родине» (1888).

«Государыня-сестрица», а просто словами: «Письмо твое, любезная сестра Анна Александровна, получил и немало был удивлен твоим легкомыслием и доверчивостью твоего мужа...» Затем следовали рассуждения о том, что деньги следует помещать в 5% бумаги; а кто желает получать на них 10%, того ожидает печальная будущность. Далее он писал, что нет ничего хуже бедных родственников, которые воображают, что он всемогущ и может выхлопотать пенсию или повышение. Письмо свое знаменитый братец заканчивал просьбой к сестре забыть о его существовании и не беспокоить его, тем более что он не в состоянии помочь ей, так как сам нуждается и не может бросать деньги на ветер. Тетушка со слезами на глазах читала мне это письмо и уверяла, что она вовсе не рассчитывала на помощь брата и думала, что ему не составит труда побывать в министерстве. Но и впоследствии Музалевская относилась к нему очень хорошо, любила его, и его неделикатный поступок с ней объясняла тем, что «братец очень занят, и ему не до родственников». Гончаров же с тех пор как бы совершенно забыл о ней и ее семействе и никогда о них не спрашивал.¹

Публикуя этот фрагмент, Суперанский сопроводил его примечаниями, которые должны были опровергнуть сказанное А. Н. Гончаровым. «Едва ли можно сомневаться в том, что эпизод этот получил у автора слишком субъективное освещение, противоречащее обычному отношению Ивана Александровича к родным, засвидетельствованному документально его письмами, — оправдывал он своего любимого писателя. — Такому освещению противоречат такие факты, как продолжение переписки между братом и сестрой-Музалевской и благоговейное, можно сказать, отношение последней к Ивану Александровичу при его жизни, а затем к его памяти... <...> Дошедшее до нас письмо, в котором Гончаров говорит о разорении Музалевских, написано очень мягко и имеет целью успокоить сестру».² И ниже: «В действительности Иван Александрович не только поддерживал переписку с Музалевской, но и упоминает о ней в письмах к другим родственникам»,³ и далее исследователь приводит пример такого упоминания. Позднейшие исследователи обсуждают

¹ Вестник Европы. 1908. № 11. С. 20–21, 31–32.

² Там же. С. 31–32.

³ Там же. С. 32.

рассказ А. Н. Гончарова уже гораздо спокойнее. Так, печатая его письма, процитированные выше, А. В. Романова замечает лишь, что сохранившиеся послания Гончарова к сестре,¹ из которых последнее датировано 1878-м годом, «вполне дружелюбные и не свидетельствуют ни о каких-либо ссорах, ни о разрыве отношений».²

Значит ли это, что племянник писателя, ослепленный ненавистью к дяде, сочинил весь этот эпизод и выдумал никогда не существовавшее его письмо к сестре? Попробуем разобраться.

О разорении семьи Музалевских и о том, что неблагоприятную роль в этом сыграл «некто Алаев», гончароведам было известно давно.³ Впервые это имя возникает в до сих пор не опубликованном письме писателя к Музалевской от 25 сентября 1865 года. В нем Гончаров отвечает на вопрос сестры, можно ли навести справки в банке о том, вложены ли туда деньги, переданные ею Алаеву. По характеру ответа уже видно, что Музалевские засомневались в честности своего делового партнера и хотели бы вернуть деньги назад.⁴ Второй раз Алаев упоминается в письме к ней же от 26 июня 1877 года, которое действительно «написано очень мягко и имеет целью успокоить сестру»:

Я вижу из него, что ты напрасно тревожишься какою-то (извини) пустую мечтою, что будто и ты виновата в Ваших несчастных обстоятельствах! Эдакая странная мысль заберется с горя в голову! Грех напускать ее на себя!

¹ По свидетельству М. Ф. Суперанского, Анна Александровна, прочитав очерк «Нарушение воли», уничтожила письма брата к себе; сохранилось лишь несколько писем, бывших у Е. П. Левенштейн (см.: *Суперанский М. Ф.* Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии. П. Письма И. А. Гончарова к Кирмаловым и Музалевской // Вестник Европы. 1908. № 12. С. 439).

² Материалы к биографии И. А. Гончарова. С. 146.

³ Подробнее об этом человеке и о его мошеннических действиях см.: *Балакин А. Ю.* «Злодей Алаев» (из комментария к переписке И. А. Гончарова) // Литературный факт. 2020. № 4. 300–310. Алаева Гончаров вспоминает также в письме к А. Ф. Писемскому от 18 апреля 1873 г., посвященном разбору его пьесы «Ваал», главный герой которой — нечестный подрядчик и финансовый махинатор (см.: *Гончаров И. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 402).

⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 135. Ед. хр. 25. Л. 10–11об.

Религия говорит, что мы все терпим за свои грехи или ошибки: это совершенно справедливо: но если ты и Петр Авкс<ентьевич> и были наказаны так больно, так уж, конечно, за что-нибудь важное *нежели* за то, что Вы доверили слепо все Ваше состояние в одне руки *злодея*, как ты трагически называешь Алаева!

— Поройся в своей душе, и, может быть, — найдешь какой-нибудь другой или другие грехи, а не такие пустяки! В одни руки не надо вверять всего (так учит жизнь), даже самому честному человеку. Он не станет обманывать, но его самого обманут обстоятельства — и он поневоле станет обманщиком.

Может быть, и Ваш *злодей*, когда брал деньги, то надеялся разбогатеть и возратить. А когда пустился в рискованные обстоятельства, и ему не повезло, он поспешил сам на берег, а других утопил! На то он и злодей!

Честный человек сам разорился бы, но отдал бы чужое: такие редки, а Алаевы встречаются на каждом шагу: т. е.: при хороших обстоятельствах — честные, а при дурных — нет. Есть бесчестные и при тех, и при других обстоятельствах, но я Алаева не знаю — и Бог с ним!

Тут ни ты, ни муж твой ничем не провинились. Это всегда и всюду случается — и со всеми с нами случилось. Так уж слажена жизнь, что если кто чем счастлив, чем гордится, на что больше всего опирается, то и изменит, особенно если еще хоть немного заважничает, забудешь-ся. Чуть оплошал, судьба и отберет лакомый кусок, да еще велит сносить горе с терпением, с достоинством, не падая духом и без ропота! <...>

Впрочем чорт их знает, как щуки и злодеи справляются со своей совестью, только Ты, мой милый карасик, пожалуй, вздыхай, плачь, а пустяков на себя не выдумывай — Бог да успокоит тебя!¹

Как видим, это письмо совершенно не похоже на то, о котором говорит А. Н. Гончаров. Явно он имеет в виду какое-то другое письмо, и о том, что оно действительно существовало, свидетельствует сама Музалевская. 1 марта 1881 года она сообщала Е. А. Гончаровой: «Ты спрашиваешь, пишет ли мне брат. Нет, я после того письма, где он писал, что едет в Гельсингфорс и чтоб я не трудилась поздравлять

¹ Цит. по: *Алексеева Ю. М.* Три письма И. А. Гончарова к сестрам // И. А. Гончаров: Материалы междунар. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994. С. 219; выделено Гончаровым.

его с днем ангела, он, возвратившись, не писал мне, к чему я буду надоедать, жаль, всегда были в хороших отношениях...».¹ Конечно, здесь Музалевская путает: ни в какой Гельсингфорс ее брат не ездил, но в 1879 и 1880 годах ездил отдыхать в Гунгербург, причем именно там он встречал свой день ангела — 24 июня.

Можно попробовать реконструировать события. Музалевская написала Ивану Александровичу, попросив у него денег, которые она хотела бы вложить в 10% бумаги. Мнительный Гончаров (вспомним цитированный выше его совет брату: не давать никаких денег женщинам), разумеется, увидел в этой просьбе покушение на свой капитал, ответил отказом и разорвал все отношения. За все последующее время — более десяти лет жизни — Гончаров, по-видимому, не писал сестре. Косвенное подтверждение тому находим у того же А. Н. Гончарова: «Нужно быть слишком жестким, бессердечным человеком, чтобы не помочь сестре, которая в продолжении 20<->ти лет, на глазах довольно обеспеченного брата, живет почти в нищете и, говоря откровенно, часто не обедает. Гончаров только по временам справлялся, как-то брюзгливо, как будто говорил о чем-то неприличном: „а что сестра Анна Александровна все живет в Москве, кажется, у какой-то поповны?“»² Можно оспорить данную дяде характеристику, но то, что именно у племянника он спрашивает, где живет его сестра, прямо говорит о том, переписки между ними не было. Поэтому мы должны отвести попытки исследователей оправдать Гончарова. Он не только не дал бы никаких денег своей сестре, о которой знал, что она обращает их «в тряпки», и тем более не дал бы их на очередную финансовую авантюру.

Каким же годом следует датировать эти не дошедшие до нас письма? Можно предположить, что обмен ими произошел в конце мая — начале июня 1879 года. Думаем, что именно поэтому Гончаров незадолго перед своим отъездом в Гунгербург срочно стал консультироваться со знакомыми насчет своего завещания. И хотя писатель знал, что его

¹ Цит. по: Там же. С. 224.

² Материалы к биографии И. А. Гончарова. С. 156.

сестра не имеет никаких прав на его «капиталец», он решил обезопасить себя, позднее специально упомянув ее в сопроводительном завещанию письме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960.
2. *Алексеева Ю. М.* Щепетильный вопрос с Гончаровым // Народная газета. 1993. № 72–73 (321–322). 18 июня.
3. *Алексеева Ю. М.* Три письма И. А. Гончарова к сестрам // И. А. Гончаров: Материалы междунар. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994. С. 213–237.
4. *Балакин А. Ю.* Разыскания в области биографии и творчества И. А. Гончарова. М., 2018.
5. *Балакин А. Ю.* «Злодей Алаев» (из комментария к переписке И. А. Гончарова) // Литературный факт. 2020. № 4. С. 300–310.
6. *Вдовин А. В.* Гончаров и деньги (по материалам писем 1861–1891 гг.) // Гончаров после «Обломова»: Сб. статей. СПб.; Тверь, 2015. С. 303–319.
7. *Демиховская О. А.* Неизданные письма А. Н. Гончарова // Симбирский вестник. Ульяновск, 1994. Вып. 2. С. 74–89.
8. *Лошциу Ю. М.* Гончаров. М., 1977.
9. Материалы к биографии И. А. Гончарова / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. А. В. Романовой // Русская литература. 2008. № 3. С. 140–163.
10. Письма И. А. Гончарова к А. К. Трейгут / Публ. А. В. Романовой // Русская литература. 2012. № 2. С. 92–99.
11. *Рожнов А. А.* Наследственное право России во второй четверти XIX в. согласно Своду законов гражданских // Нотариус. 2018. № 8. С. 43–47.
12. *Трепалина М. И.* М. Ф. Суперанский и его работа «Болезнь Гончарова» // Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 635–638.

REFERENCES

1. *Alekseev A. D.* Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Goncharova. M.; L., 1960. (In Russ.)
2. *Alekseeva Yu. M.* Shchepetil'nyj vopros s Goncharovym // Narodnaya gazeta. 1993. № 72–73 (321–322). June 18. (In Russ.)
3. *Alekseeva Yu. M.* Tri pis'ma I. A. Goncharova k sestram // I. A. Goncharov: Materialy mezhdunar. konf., posvyashch. 180-letiyu

- so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova. Ul'yanovsk, 1994. S. 213–237. (In Russ.)
4. *Balakin A. Yu.* Razyskaniya v oblasti biografii i tvorchestva I. A. Goncharova. M., 2018. (In Russ.)
 5. *Balakin A. Yu.* «Zlodej Alaev» (iz kommentariya k perepiske I. A. Goncharova) // *Literaturnyj fakt.* 2020. № 4. P. 300–310. (In Russ.)
 6. *Demihovskaya O. A.* Neizdannye pis'ma A. N. Goncharova // *Simbirskij vestnik.* Ul'yanovsk, 1994. Vol. 2. P. 74–89. (In Russ.)
 7. *Loshchic Yu. M.* Goncharov. M., 1977. (In Russ.)
 8. Materialy k biografii I. A. Goncharova / Vstup. stat'ya, podgot. teksta i komment. A. V. Romanovoj // *Russkaya literatura.* 2008. № 3. O. 140–163. (In Russ.)
 9. Pis'ma I. A. Goncharova k A. K. Trejgut / Publ. A. V. Romanovoj // *Russkaya literatura.* 2012. № 2. P. 92–99. (In Russ.)
 10. *Rozhnov A. A.* Nasledstvennoe pravo Rossii vo vtoroj chetverti XIX v. soglasno Svodu zakonov grazhdanskih // *Notarius.* 2018. № 8. P. 43–47. (In Russ.)
 11. *Trepalina M. I. M. F.* Superanskij i ego rabota «Bolezn' Goncharova» // *Literaturnoe nasledstvo.* M., 2000. Vol. 102. P. 635–638. (In Russ.)
 12. *Vdovin A. V.* Goncharov i den'gi (po materialam pisem 1861–1891 gg.) // *Goncharov posle «Oblomova»:* Sb. statej. SPb.; Tver', 2015. P. 303–319. (In Russ.)